

Николай Удалцов

Книга четвертая

ПОДЪЯТССА

Короткий роман

Николай Удальцов

Поэтесса

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815515

Удальцов Н. Поэтесса: ООО «Написано пером»; СПб; 2013

ISBN 978-5-905636-75-2

Аннотация

История любви, в которой, кроме ответов на многие вопросы, стоящие перед нами, сформулирована Российская Национальная идея...

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	32
5	42
6	50
7	59
8	63
9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Николай Удальцов

Поэтесса

*Моя Родина может
назвать меня неправым,
но не признать того, что я прав,
не сможет даже моя Родина...*

*...По-над городом лег смог...
Белый снег засыпал зелень трав...
И, наверно,
если б я смог,
Я б, конечно,
был всегда прав...*

На обложке картина автора. Ее название:

«...Вьше дороги – трава.

Вьше травы – холмы.

Вьше холмов – деревья.

Вьше деревьев – небо.

Вьше неба – мечта.

*Но увидеть все это может только тот, кто на дороге
вьше травы...»*

Другие картины автора смотрите на сайте
www.Udaltsov.net

1

...Администрация клуба современного искусства «Белый конь» состояла из президента, вице-президента и генерального директора – человека, близкого к олигархическим кругам, никогда в клубе не появлявшегося, но исправно оплачивающего аренду помещения на Остоженке и по первой же просьбе обеспечивающего фуршеты.

Правда, будучи человеком, занятым в солнечных, а иногда и туманных финансовых сферах и государственной макрополитике, генеральный директор иногда путался и мог прислать к вечернему банкету ящики с соком и торты от Елисеева, а к утреннику – водку «Русский стандарт», оливки, исландскую сельдь и маринованные итальянские патиссоны.

Поговаривали о том, что, в тот день, когда менее искушенных, тех, что с коробкой из-под ксерокса, ловили у центрального входа в Белый дом, будущий генеральный директор клуба «Белый конь» вывез с черного хода ящик от рояля.

Впрочем, генеральный директор был весьма корректен, ни во что не вмешивался, ничего не требовал и присылал приветы на гербовой бумаге, в получении которых вице-президент регулярно расписывался в блокноте у посыльного, приехавшего на черном джипе «Форд-экспедишен» в со-

провождении еще одного джипа с охраной.

Да и то сказать – если у человека посыльный с джипом охраны, то как же его самого охранять нужно.

И какие уж тут могут быть клубы современного искусства.

И какие «Белые кони»...

...Рассказывают, что он, приехав в Москву, начинал простым дворником.

Вот – судьба!.. – часто говорили о генеральном директоре те, кто знал о нем что-то.

И еще чаще те – кто ничего не знал.

Ни о нем, ни о чем-то ином.

«Судьба плохой учитель, но хороший воспитатель», – услышал однажды вице-президент от кого-то из друзей и не запомнил – от кого? Как не запомнил того, по какому поводу были сказаны эти слова...

...Президент клуба носился по различным поэтическим конкурсам и фестивалям авторской песни, где регулярно получал лауреатские дипломы и другие награды, а вице-президент за неимением иных обязанностей таскал за президентом электрическую аппаратуру.

Так как работы было мало и она не оплачивалась, вице-президент волей-неволей стал задумываться над тем, чем бы ему поразнообразить свою жизнь в клубе.

Для начала он стал целовать своему президенту руки.

Потом – целовать президента в щеку.

И однажды его губы, скользнув по щеке, перебрались на шею, а рука, пользуясь президентским молчанием, расстегнула батик на груди президента.

Лишь после того как вторая рука вице-президента прошла по спине в поисках застёжки, президент разжал губы:

– Лифчик французский.

Застёжка спереди...

...Президентом клуба современного искусства «Белый конь» была очаровательная женщина, поэтесса и бардесса Лариса Алова.

А вице-президентом был я – человек, по моим наблюдениям, являющийся центром Вселенной.

Во всяком случае, куда бы я ни приезжал, на западе от меня всегда оказывался запад, на востоке – восток, на севере – север, а на юге – юг.

Более того, даже если я забирался в горы или опускался с аквалангом ниже уровня моря, верх все равно находился над моей головой, а низ – прямо под моими ногами...

...Мы с президентом и до этого часа доверяли друг другу, а потом наше доверие распустило свои ветви так широко, что переросло разумные пределы – Лариса стала позволять

мне читать свои дневники.

И однажды я прочел короткую запись, сразу, не глядя на дату, поняв, какой именно день она имела в виду – день, в который мы оторвали первую страницу в календаре, отсчитывающем даты нашей совместной жизни: «Я ощутила себя ларцом с сокровищами и почувствовала, как он нежно, но непрекословно вставляет свой ключ в замочек этого ларца...»

Есть слова, которые запоминаются навсегда, и потом, через много дней, когда мы встретились уже посторонними друг другу людьми, я не удержался и, напомнив Ларисе ее запись, спросил:

– А после этого ты не чувствовала ничего подобного? – и она пожала плечами:

– После этого ларец для тебя не закрывался.

Так получилось, что наши отношения обошлись без предварительных ухаживаний – черновиков любви; и в тот день мы, как спринтеры, прошли всю дистанцию почти мгновенно.

Лариса сама помогла мне.

Поднявшись с диванчика, она спросила:

– Что ты еще хочешь?

– Между моим полным мужским счастьем и твоей женственностью осталась одна-единственная мелочь.

– Какая?

– Твоя губная помада.

И тогда Лариса стерла губную помаду со своих губ самым приятным для мужчины способом...

...Рассматривая перспективы мироустройства, Господь Бог, вполне возможно, предполагал переправу современного искусства прямо в рай, минуя Министерство культуры.

Причем – различными путями.

В том числе и через клубную деятельность.

Но этим благим устремлениям Всевышнего в клубе «Белый конь» был нанесен древнейший в мире удар.

И, возможно, на нас Он смотрел с таким же осуждающим сожалением, как и на первых двоих. Тех, что нарушили Его запрет и предстали перед Ним, смущенно, но удовлетворенно улыбаясь.

Хотя лично мне кажется, что в анналах церковной истории данная ситуация описана не вполне верно.

И, возможно, Господь не проклял их, а, как старый добрый дедушка, просто махнул рукой, прошептав: «Да ладно, чего уж там...»

Впрочем, на лавры Адама и Евы мы не претендовали.

И даже не вспомнили о прародителях, потому что нам было не до их ошибок.

Ошибки мне и Ларисе предстояло сделать свои.
И судьями себе быть могли только мы сами.

Удивить могло лишь одно – то, что произошло, не удивило нас.

Что ж, смертные грехи давно бессмертны.

Может, потому, что некоторые из них на удивление приятны.

У Ларисы, как у всякой хорошей поэтессы, вышло на эту тему стихотворение.

И это меня тоже не удивило, ведь настоящие поэты пишут о том, в чем разбираются.

Или, как минимум, о том, в чем хотят разобраться:

Слова Писанья сказаны для всех.

И их, конечно, слышал всяк, кто смертен.

Но есть один бессмертный смертный грех.

Я даже знаю –

почему он так бессмертен...

– ...Отчего это случилось с нами только сейчас? – ничего другого не пришло мне в голову. – Отчего – не раньше?

– Раньше я хотела понять, что ты за человек, – Лариса говорила тихим, смирным голосом. И мне показалось, что эти слова она произнесла не для меня, а для себя.

– Теперь ты поняла это?

– Не знаю. Но мне очень важно это понять.

В этих словах Ларисы не было ничего неожиданного – если я постоянно думал о том, кем является она – она рано или поздно должна была задуматься о том, кем являюсь я.

– Если поймешь – обязательно расскажешь мне.

Ладно?

– Ладно.

– Обещаешь?

– Нет.

– Почему? – спросил я, не оттого, что меня удивил отрицательный ответ, а потому, что действительно стало интересно.

И Лариса ответила:

– Потому что ты можешь оказаться совсем не таким, каким я тебя себе представляю...

...Впрочем, об этом я задумался потом.

А тогда, вечером, Лариса уехала на своих «Жигулях». И я стоял и смотрел на то, как она отъезжает, до тех пор, пока огоньки ее машины не смешались с единым потоком габаритных огней, раздваивавшимся в конце Остоженки.

Кому-то из тех, кто был в пути, нужно было в сторону Музея изобразительных искусств, кому-то – в сторону храма

Христа Спасителя.

А кому-то мимо и того и другого...

...Мы воспользовались опытом наслаждений, одолженным нами у человечества.

Теперь оставалось вернуть человечеству долг, и мир можно было бы считать гармоничным...

2

...Звезда сверкнула в небыльном сиянье,
Заговорила светом, а не звуком.
Небесное оставив одеянье,
Легла нагой в протянутую руку.

Сведя своей случайной ролью
Земную и небесную заботу.
Ее свобода
– выбирать неволю.
Ее неволя
– выбирать свободу...

Позвонив мне наутро и прочитав эти стихи, написанные ночью, Лариса продемонстрировала мне, что уже приступила к реализации плана возвращения нравственных долгов человечеству.

А мне пока нечего было ответить на ее вопрос:

– Что ты делаешь? – и потому пришлось сказать правду – не всегда верный, но все-таки выход.

А уж вход в новую ситуацию – почти всегда:

– Опровергаю, – честно признался я.

– Что? – удивилась Лариса, продемонстрировав чисто женское отношение к окружающему нас миру – услышав тон,

которым был задан ее вопрос, можно подумать, что мир таков, что в нем нечего опровергать.

– Опровергаю утверждение о том, что единственной формой существования материи является движение, – произнося эти слова, я вздохнул. И мой вздох с одинаковым успехом можно было отнести и к несовершенству законов, определяющих наше представление о мироздании, и к моему собственному несовершенству.

Лариса, подумав немного, выбрала несовершенство мира, и не обозвала меня банальным лентяем.

Она просто спросила:

– Это как это может быть?

– Недвижимо валяюсь в постели.

– А ко мне вчера вечером приходил мой бывший муж.

– Зачем? – ревность коснулась моего сердца своим затупившимся от многократного применения копьём.

И мне не стало за это стыдно – ревность осуждает только тот, кому она недоступна.

– Зачем? – повторил я.

– Не знаю, – даже по телефону я услышал то, как улыбнулась моя поэтесса:

– Он корреспондент нашей местной газеты. Экономический обозреватель. Что-то говорил о возможном пересмотре итогов приватизации, но я ничего не слушала.

Я думала о тебе.

– Бывший муж? – переспросил я, а потом, помолчав, продолжил еще не начатую мысль:

– Скажи ему вот что...

– Что сказать? – голос Ларисы посерьезнел. Видимо, она не представляла себе, что мне есть что сказать ее бывшему мужу, экономическому обозревателю, которого я никогда в глаза не видел.

– Скажи своему бывшему мужу, что пересмотр итогов приватизации уже произошел.

– Когда это?

– Вчера...

...Иногда я говорю так, что со мной трудно не согласиться.

Иногда – так, что сам не знаю, нужно ли мне самому с собой соглашаться?

Или стоит повременить с таким безответственным делом.

Лариса отлично понимала это, хотя была нормальным человеком и понимала, что понимает совсем не все.

Это ее достоинство я оценил очень давно...

– ...Объясни мне, дура набитой: что люди видят в твоём ауросимволизме? – этот вопрос она задала мне однажды, где-то в середине нашей очередной внеочередной дискуссии по теме, которую коротко можно было определить словами:

«На кой черт нужно России искусство – если Министерство торговли искусством в нашей стране уже есть?

И функционирует успешно».

Ответить мне было легко.

Не потому, что ее вопрос не имел никакого отношения к тому, о чем мы говорили – такое между разговаривающими случается совсем не редко. А отвечать невпопад, наша общенациональная традиция – и даже не потому, что меня спрашивала красивая женщина.

Просто спор наш действительно был в середине.

А середина спора – это когда почему спорят, уже не помнят, а к чему могут прийти – еще не понятно...

...Вообще-то, с женщинами я стараюсь не спорить.

И даже как-то высказал мысль о том, что с женщинами можно спорить только в двух случаях:

– Первый – это когда мужчина хочет с женщиной поспорить.

– А второй? – спросил меня кто-то.

– Что – второй?

– Второй случай, когда мужчине можно спорить с женщиной?

– Когда мужчина – глупец...

...Впрочем, начало спора о культуре было несложно вспомнить, потому что это был спор совсем не о культуре.

О жизни.

А значит, это, ко всему прочему, был еще и не спор.

Лариса сказала что-то о том, что на культуру выделяется мало денег, и я ввязался, вместо того чтобы промолчать:

– Следовательно, худо без добра все-таки есть.

– И что же это такое – «худо без добра»?

– Наше Министерство культуры без денег.

А потом, после нескольких извивов мысли и блужданий по словам, был ее вопрос о моем ауросимволизме.

– ...Ты, Лариса, – ответил я, своим вздохом изображая полную безысходность ситуации, – ничего не понимаешь в ауросимволизме потому, что ты – женщина, веками угнетаемая, по забитости своей не знающая иных забот, кроме поиска избы, в которую ты могла бы войти. При условии, конечно, что изба непременно окажется подоженной с четырех углов. И то только после того, как переостанавливаешь всех мчащихся во весь опор коней.

И ауросимволизм – явление для тебя непонятное потому, что он с судьбой не борется.

Ауросимволизм не воюет вообще ни с кем.

Потому что то, как выглядит событие, ауросимволизм заменяет представлением художника о том, как выглядит содержание этого события.

Ауросимволизм – это попытка заменить факт сущностью.

– И в чем же сущность факта? – спрашивают меня каждый раз, когда я начинаю говорить об ауросимволизме, символикe для души, направлении в живописи, основателем которого, кстати, или некстати, являюсь я.

Впрочем, я являюсь и единственным его представителем.

И, видимо, буду являться до тех пор, пока люди не просто будут задавать этот вопрос:

– В чем же сущность факта? – но и научатся на него отвечать.

Возможно, не всегда правильно:

– В мечте.

– А это нужно? – президент клуба современного искусства редко прерывал меня, и если делал это, то только для того, чтобы задать какой-нибудь по-настоящему важный вопрос.

Но так как я никогда и ни в какой ситуации не знал, как ответить на вопрос женщины: «А это нужно?», и не вполне представляю себе мужчину, готового ответить женщине на этот вопрос во всех ситуациях, я просто продолжил свою мысль:

– Ауросимволизм – это не осознанная, а неосознанная внутренняя потребность.

Для того, у кого она есть.

И еще – ауросимволизм не судья, не прокурор и не адвокат.

Он – свидетель.

И потому на него нельзя обижаться.

Хотя можно убрать, как помеху.

Как компромат.

– Все равно – ничего не поняла, – честно призналась моя поэтесса, и мне нечего было добавить, потому что я сам понимал не все.

– Только после твоих слов я и себя иногда понимать перестаяю, – сказала Лариса, а я не подозревал, что ответ на эти ее слова у меня был готов давно. Просто я его никогда не высказывал.

Повода все как-то не было, но после слов Ларисы этот повод появился:

– Если начинаешь заниматься творчеством всерьез, то первое, что ты должна усвоить – не надейся на то, что тебя поймут твои зрители.

Второе – не надейся на то, что тебя поймут твои родственники.

– А третье есть?

– Конечно.

– Что?

– Не надейся на то, что ты сама себя поймешь.

– Почему?

– Потому, что творчество – это осознанное стремление заниматься неосознанным.

– Интересно.

– Что – интересно?

– Что такие умные мысли первыми приходят именно в твою голову, а почему-то не в мою? – улыбнулась Лариса. И я отвел душу тем, что перевел дух:

– Первое, что должно приходиться в голову человеку, это то, что то, что приходит ему в голову – приходит в голову ему не первому.

Лариса помолчала, склонившись так, что под распущенными волосами не стало видно ее лица, а потом тихо сказала:

– Ясно.

– Что – ясно?

– Что ты – болтун.

Ауросимволизм... Творчество...

Да ты просто рассказал о том, почему женщины хотят рожать детей...

– ...Просветитель, – улыбнулась Лариса и, кажется, даже показала мне язык. – Давай, просвещай народ.

Только это – зря.

– Почему это – зря? – почти серьезно вступился я за народ.

– Потому, что есть мнение: просвещай народ, не просвещай...

А он все равно останется... народом...

...Этот разговор происходил в концертном зале нашего клуба, помещении человек на сто пятьдесят, с хорошей акустикой, позволяющей не только слушать, но и молчать.

Но, даже помолчав, связи между тем, что говорил я, и тем, что сказала Лариса, я не нашел. Видимо, это произошло потому, что она постоянно оказывалась очень сложным человеком.

Поэтому мне было с ней легко.

Я давно заметил, что мне легко со сложными людьми.
Мне тяжело с простыми.

И вряд ли я отдавал себе отчет в том, что мое серьезное отношение к современному искусству началось именно с такого отношения к окружающим меня людям...

...Я занимался ауросимволизмом, в котором ничего не понимали мои современники, вместо того, чтобы заниматься реализмом, в котором ничего не понимал я.

Впрочем, здесь у меня было одно оправдание – реализм ничего не понимал во мне...

3

– ...Почему ты не пишешь реальные картины, которые легко понять людям? – спросили меня на каком-то толковище. Толковище не запомнилось мне ничем, кроме того, что со мной постоянно пытались заговорить на импортных языках. Наверное, потому что на мне был белый португальский костюм.

Костюм этот я надел лишь однажды.

Не оттого, что он мне не нравился – так получилось потому, что я случайно вымазал обшлаг краплагом, и мне пришлось костюм выбросить.

Я вспомнил о костюме только потому, что костюм не было жалко, а времени на пустые разговоры – нет.

Краплаг – очень едкая красная краска, а ответ на вопрос о моих картинах я дал самый очевидный.

Даже для тех, для кого очевидность – не факт:

– Ауросимволизм – это обращение внутрь человека.

Мне – такое творчество легче понять...

...Отчего я стал заниматься ауросимволизмом? – такой вопрос иногда приходит мне в голову. И я никогда не задумываюсь над тем – приходит он случайно или закономерно.

Возможно, ответа на этот вопрос я и сам не знаю.

А может, я пишу свои картины потому, что мне, как всякому реальному человеку, легче всего думать отвлеченно...

...Когда-то, во времена перестройки, когда стали закрывать детские сады и открывать церкви, а рубли из деревянных стали превращаться в ворованные, моя приятельница, журналистка Анастасия, сказала мне:

– Петька, начни писать иконы.

За это скоро будут хорошо платить.

– Я пробовал писать святые лики, – признался я. – Потом бросил.

– Почему?

– Потому, что когда я пишу святых, у меня получаются святые.

– Тебя что – это не устраивает?

– Не устраивает.

– Почему?

– Потому, что я хочу, чтобы, когда я пишу святых, у меня получались бы хорошие люди.

– Разве когда получаются святые – это плохо? – Анастасия смотрела на меня очень внимательно, и в ее взгляде сквозь обычного и временами порядочного человека постепенно начинал проступать журналист.

Как маслянистое пятно на промокашке.

– Вполне возможно, что это совсем не плохо. Как ми-

нимум, это традиционно и привычно для окружающих. И, вполне возможно, это исторично. Так что, может быть, это – даже хорошо, – согласился я, сам не зная, с чем соглашаюсь.

Потом, увидев, что таким односложным ответом мне не разрешить проблемы, я дал развернутую, многообразную и всестороннюю характеристику ликописания святых:

– Скучно...

...Иногда мой ауросимволизм, особенно его доведенную до гиперации форму, путают с абстракционизмом.

Но – это совсем разные вещи.

Абстракционизм – подтверждение реальности мысли.

И – реальности мира.

Если есть от чего абстрагироваться – значит, мир реален.

А ауросимволизм – это попытка пройти по грани между реальностью и ее внутренним содержанием. И с этой грани взглянуть на окружающий нас мир.

Абстракционизм – это утверждение мира, а ауросимволизм – погружение в его мечту.

Ауросимволизм не изменяет того, что создала природа.

Он просто соединяет то, что создала природа, с тем, что хотела бы создать душа.

Я не помню, с чего это началось, и не понимаю, с чем это связано – просто однажды я проснулся и почувствовал себя ауросимволистом.

Может, революция какая-то во мне произошла.

И не моя вина в том, что каждый раз, когда происходит революция, в ее результате выходит не то, что замышлялось...

...Как и все художники, я начинаюсь с того, что умею изображать.

Изображать то, что меня окружает.

Просто время от времени я прихожу к тому, что изображать суть явления интереснее, чем его форму.

И тогда понимаю, что самое важное для художника – умение думать о большем, чем то, что он видит.

Быть глубже деталей.

Реализм – в деталях.

Человек – в нюансах.

Возможно, к этому я шел постепенно, и, видимо, еще не пришел.

Но иду – точно.

Хотя и не знаю – почему?

– Почему?.. – такие «Почему?» лучше не задавать ни себе, ни другим, хотя бы потому, что этим вопросом можно ответить на любой вопрос.

Или, вернее – не ответить.

Однажды меня спросил кто-то:

– Почему на твоих картинах все хоть чуть-чуть, но не так,

как на самом деле? То небо чуть синее, то вода чуть зеленее.

Я не ответил сразу.

Сделал небольшую паузу.

Не оттого, что не знал ответа, а чтобы отделить небо от «самого дела».

А потом сказал:

– Потому что – то, как есть «на самом деле» – это зачастую большая ерунда.

– Все-таки картина должна изображать все так, как должно быть в жизни, – не унимался мой визави, и мне ничего не оставалось, как согласиться с ним:

– Да, – ответил я, избрав самую конформистскую форму продолжения спора – согласие с оппонентом, – только есть одна загвоздка.

– Какая?

– Так, как должно быть в жизни – в жизни никогда не бывает.

– Ну, а как же – реальность?

– Отсутствие реальности тоже – реальность.

– Почему?

– Потому что любой художник – немножко конкурент с Творцом того мира, который его окружает.

– Но ведь ты же пишешь пейзажи?

– То, что я пишу – это не пейзаж.

– А что?

– Ваше желание быть счастливыми.

Ваше желание завтра жить лучше, чем сегодня...

...Впрочем, большую часть времени я занимаюсь тем, чем занимаются многие художники – фиксирую то, что вижу.

Правда, в этом случае мое существование кажется мне каким-то тиражированным и бессмысленным, как существование солдата в строю на параде.

В таких случаях я – как все.

И, может быть, хорошо, что – кто такие «все», я не знаю, хотя сталкиваюсь с ними довольно часто.

Ну что же.

Признаваясь в незнании – точно не ошибешься...

– ...Мне нужна картина шестьдесят на метр, в золотой раме, – позвонил мне однажды заказчик. – Вы сможете написать?

– Если вы покупаете картины по размерам, то, конечно, смогу.

– Вы ошибаетесь, когда смеетесь надо мной.

– Не ошибаюсь, потому что я не смеюсь.

– А что же вы делаете?

– Обливаюсь слезами.

– Я что-то вас не понимаю.

Я ведь как все, – после некоторой раздумчивой паузы ска-

зал «заказчик». – Что же, по-вашему: всем можно иметь картины, а мне нельзя?

И хотя я отлично знал, что картины нужно иметь совсем не всем, я поступил так, как очень часто поступал в этой жизни – слицемерил.

Я ответил:

– Можно...

...Однажды я задумался над тем, иду ли я куда-то или болтаюсь из одной крайности в другую. Но мой друг Вася Никитин – он тогда спивался и говорил то, что думает – зашел ко мне, взял три доллара, будучи поддатым, поочередно ткнулся в оба дверных косяка, посмотрел на свои нетвердо стоящие ноги, пораздумывал, поднял указательный палец вверх и неожиданно успокоил меня:

– Знаешь, Петр, шаг вперед – это всего лишь дань эволюции.

А вот шаг в сторону – дань творчеству...

...Современный ли я художник?

Вопрос для меня простой и сложный – одновременно.

Можно сказать просто: современное искусство – это искусство, ставящее вопросы, соответствующие своему времени, помогающее найти ответы на современные вопросы и использующее соответствующие времени способы получения результатов.

А можно сказать сложно: современное искусство – это искусство, делающее своего зрителя современным человеком.

Здесь вроде бы все понятно – художник я, наверное, современный. Хотя бы потому, что понимаю, что искусство в наше время, переменное и переменчивое, должно фиксировать не эпоху, а ее устремления.

И надежды.

Впрочем, современность – это всегда компромисс между тем, что уже произошло, и тем, что может произойти.

Хотя может быть, современность – это компромисс между тем, как точно было, и тем, как наверняка никогда не будет...

...С другой стороны, сейчас весь пиар сосредоточен на искусстве эпатажном, кричащем. Хотя ничего современного, кроме технологий, в этом искусстве нет.

Скорее, это – каменный век творчества.

Его мастодонтничество.

Современное искусство вполне способно спокойно и даже тихо говорить новое обо мне, человеку, его современнике. А оно – зачем-то громко кричит о себе.

Я уверен, что это не проблема искусства. Скорее, это – проблема авторов.

Да и эпатаж – это, в конце концов, всего лишь попытка дурака привлечь внимание к своей глупости.

Когда мне говорят, что куча грязного белья на подиуме – это современное искусство, я вспоминаю, что к пятницам у меня в ванной собирается такая масса этих шедевров, что

впору нью-Лувр открывать. И брать по десять евро за вход.

О том, что я сам готов заплатить за то, чтобы этого бардака никто не увидел, я обычно не говорю, но не верю, что кучу мусора воспринимают как шедевр избранные.

Если только этих избранных не из той же кучи мусора выбирали.

– Это – современное искусство, – заявил мне на каком-то очередном «биенале» человек, работавший на этом сборе ведущим.

– Я не знаю, искусство это или нет.

Но думаю, что точно знаю, что оно не современное, а безвременное.

– Почему?

– Потому что, по-моему, оно одинаково бессмысленно и ненужно в любое время...

– ...Может, ты, – сказала мне однажды журналистка Анастасия, – просто слишком культурен для современного искусства?

Потом немного помолчала и добавила:

– А может, современная культура недостаточно культурна для тебя?

Когда я повторяю что-то подобное, меня обычно спрашивают:

– Так что же выходит: современного искусства нет? – В ответ я пожимаю плечами и повожу головой из стороны в сторону:

– Оно должно быть...

...Даже если его нет.

– Ну и что же тогда такое – современное искусство?

– Современное искусство – это искусство, способное сказать что-то новое современному человеку.

И еще, современное искусство – способное рассказать о своем времени интересней и умнее, а значит, лучше, чем время само рассказывает о себе...

– ...А тебя понимает большинство? – спрашивают меня время от времени.

Вопрос этот так себе, не головоломка. Но ответить я не могу.

Потому, что не могу объяснить, что для творчества не бывает большинства...

4

– ...Ты не забыл, что сегодня у нас подготовка к встрече с «классиком»?

Я уже позвонила ему, – Лариса вернула меня в сегодня, прервав мою интервенцию в прошлое.

– Не рано? – вздохнул я. Классики в моем представлении должны иметь крепкий, долгий сон людей, которым не в чем себя упрекнуть.

– Ничего, – сказала Лариса, – подошел к телефону сам.

– Ну и чем он занят?

– Столбит себе место на пьедестале перед восторженными массами.

Во мне сразу возник лучезарный образ «классика».

Хотя я и понимал, что смеяться над теми, кто достиг по-настоящему больших успехов, не только легко, но и неприлично.

– Может, доставить ему восторг масс в письменном виде? – спросил я после фрагментной паузы, но Лариса отреагировала на мой энтузиазм скептически:

– А не перебьется?

– Ну, что же, возрадуемся встрече с классиком устно, –

удовлетворенно перевел дыхание я. – Жаль, что не удастся пообщаться персонально.

Это была хоть и откровенная, но все-таки искренняя ложь. Уже и не лицемерие, а так, игнорирование факта...

...Вообще-то наш классик был явлением скучным, и сам навязал нам себя.

Классики как праздники: иногда приятны, но всегда навязчивы.

Но он пообещал телевидение.

И потому, если бы нам пришлось везти ему формальное письменное приглашение – то это приглашение пришлось бы везти мне.

А мне этого не хотелось.

Не потому, что мне было лень вставать и ехать – на подъем я человек легкий. И не потому, что я не люблю наших классиков.

Просто наши великие слишком беззастенчиво заставляют любить себя еще при жизни.

Этого я не люблю.

И не люблю тех, кто это любит.

В конце концов – это просто не честно...

– Ой! Подожди! – воскликнула Лариса на другом конце

телефонной проволоки.

И я едва не вздрогнул:

– Что случилось?

– На плиту кастрюлю поставила и забыла.

Не вставай пока.

Подумай.

Я тебе перезвоню, – крикнула мне в трубку Лариса, и у меня появилась возможность выбирать – о чем подумать.

И этот выбор определился ситуацией...

...Моя собственная неспособность стать классиком стала мне очевидна уже давно.

Наверное, потому, что, хотя делаю я глупости почти так же часто, как классики, по крайней мере среднего калибра – говорить глупости я стараюсь значительно реже.

А у классиков говорить глупости считается пренебрежнейшим атрибутом классицизма.

Этикеткой – некоторой помесью между фирменностью и ценой.

Конечно, классиков нужно знать, изучать и уважать.

Их только всерьез воспринимать не надо.

Взять хотя бы паяцствующего графа, улыбающегося мне сейчас с литографии на стене, бывшего, кстати, в обиходе занудливейшим человеком, до колик в боку надоедавшим крестьянам своими пугаловскими потугами пахать землю. И вы-

глядевшего на меже в лаптях так же глупо и дико, как его крестьяне выглядели бы в светских салонах обеих столиц, замечательно описанных графом во время отдыха от хождения по народу.

Парадоксально, и он прекрасно доказал это – можно быть великим дворянским писателем и при этом считать, что помещик принесет пользу тем, что сам станет таскаться за сохой по полю.

Да что там – писательство. Можно быть просто хорошим человеком, но при этом думать, что цивилизация себе исчерпала.

И считать, что человечество должно вернуться «в природу».

Единственная фраза графа, претендующая на афористичность: «Все счастливые семьи счастливы одинаково, а все несчастные – несчастны по-своему» – если и верна, то, по крайней мере, с точностью до наоборот: «Все несчастные несчастны одинаково, а все счастливые – счастливы по-разному».

Кстати, именно разнообразие счастья, кроме всего прочего, делает людей полигамными.

А уверенность в том, что война – это противоестественное человеческому существу явление, говорит лишь о том, что за землепашеством графу просто некогда было заглянуть

в учебник истории. Он бы легко убедился в том, что более естественного занятия, чем грабить и убивать друг друга, люди отродясь не знали.

Граф оказался человеком непровиденциальным.

Во всем.

В том числе и в том, что проповедовал непротивление злу.

Ведь непротивление злу – это прежде всего неосуждение зла...

...Бородатый граф довольно ехидно перемигивается с другим классиком, тоже, впрочем, бородатым.

Они у меня на стене рядом, и перемигиваться им легко.

Впрочем, с человеком, сказавшим, что красота спасет мир, перемигиваться легко даже неклассику.

Особенно если вспомнить Елену Прекрасную, безусловно, «спасшую» троянский мир своей красотой.

Вот только при этом хотелось бы узнать мнение Приама по этому поводу.

Слишком простое спасение придумал этот классик для мира.

Так и хочется решить – вот понастроим красивых домов, понапишем красивых картин, понаговорим красивых слов – и мир уже почитай спасся.

Жаль только, что все это – ерунда.

Я думаю, что красота – лишь некая компенсация миру за то, что мир ворует у себя своей жестокостью, черствостью, жадностью.

Глупостью, наконец.

А с другой стороны, красота – это жертва, которую мир принимает от людей в свое оправдание.

В оправдание своей обыденности.

А чего стоит его, любимая попами фраза: «Если Бога нет – то выходит, что все можно...»

По-моему, как раз наоборот – если есть у кого выпросить прощение, то можно все.

Совершил любую пакость, покаялся, вымолил отпущение грехов.

И порядок.

Можно уже и не мучиться.

Вот если не у кого выпрашивать прощение, если остаешься со своими поступками один на один, если совершаешь что-то такое, что сам себе простить не можешь – то причем здесь: есть Бог или нет?..

...В определенном смысле классикам было очень легко: легко бороться за истину, когда не знаешь с кем и где борешься.

Когда борешься как бы, вообще.

Я не против классики.

Я против глупости.

Особенно – классической.

Появление подобных мыслей в моей голове временами напоминает приезд крупного столичного чиновника в провинциальный город.

Суэта.

Все двигается и при этом остается на месте.

И никому не понятно – зачем это нужно и к чему может привести.

Впрочем, спорить с покойными не только глупо, но и нечестно – они ведь ответить не могут.

В этом есть что-то от удовольствия, которое получали судьи – члены революционных троек эпохи «отца народов», когда допрашивали своих соратников, попадавших к ним в лапы – возразить оппоненты все равно не могли.

Всерьез я к своим мыслям о классиках не отношусь, хотя иногда отношусь всерьез к мыслям.

Во всяком случае, никогда этих мыслей не афиширую.

И не потому, что это может быть принято за зависть – завидовать классику, по-моему, все равно что завидовать памятнику.

Впрочем, я понимаю, что каждый из нас является не только ставленником, но и заложником своего времени.

Вот только истина ничьим заложником не является...

...Для того чтобы проверить свое отношение к памяти классиков на других людях, я однажды, еще в те времена, когда поэтесса была для меня просто президентом клуба современного искусства, спросил ее:

– Ты любишь Пушкина?

– Да.

Ничего глупее ты спросить не мог.

– Почему?

– Потому что у тех, кто не любит Пушкина, просто проблемы со вкусом.

– А ты завидуешь Пушкину?

– Чему завидовать? – удивилась Лариса. – Тому, что какой-то австрийский гомик всадил ему пулю в живот?

Она ответила, ни секунды не раздумывая, и мне ничего не оставалось, как вздохнуть:

– Гомик был французом...

...Своими мыслями о классиках я как-то поделился с друзьями, не прямо, конечно, а наведя на свои мысли легкий макияж.

И с тех пор зарекся это делать, потому что ничего разумного из этой затеи не вышло.

Художник Андрей Каверин – он молодой, и пока любая новая тема это его тема – ответил мне: «Классика не в том, чтобы объяснить мир каждому человеку в отдельности.

И классики не для того, чтобы сказать что-то самое главное – самого главного они сказать не могут, потому что мир классики – это обобщение.

Для классиков – мир – это низведение главного до уровня школьной программы.

Не так, чтобы кто-то понял мир в меру своего развития, а так, чтобы поняли все и поровну.

По большому счету классика – это разновидность ширпотреба.

Именно поэтому по рецептам классиков мир и не может быть построен».

Художник Григорий Керчин сказал что-то о том, что классики создают в мире систему координат, и даже их ошибки представляют интерес потому, что их ошибки – классические.

А потом пожал плечами.

И только поэт Иван Головатов дал по-настоящему, глубокую оценку моим словам:

– Старик, ты все слишком серьезно воспринимаешь.

Тебе нужно взять отпуск и банально выспаться.

Потом все так и получилось.

Отпуск я взял.

Правда, не сразу.

А тогда это показалось мне ерундой. Хотя и заставило меня еще раз задуматься о том, почему же я не смогу стать классиком.

Я задумался и понял – мне не стоит приписывать себе человечество...

...Подумав обо всем этом и повспоминав многое из того, что вполне можно было и не вспоминать, я подивился одному – тому, какие глупости лезут в голову человеку, которому не идут в голову умные мысли.

Впрочем, единственной сколько-нибудь значительной причиной того, что человеку в голову приходят глупости, является то, что голова у него все-таки есть...

...Если бы мне знать о том, какие события произойдут в моей жизни и не произойдут в жизни моей страны ближайšie несколько дней, я наверняка пришел бы к выводу о том, что застой в моей собственной ситуации подзатянулся, и времени пришло время закусить удила.

Что оно и сделало.

И совершенно вовремя...

5

– ...Ладно, – вздохнула Лариса, возвращая меня своим звонком в реальность. – Может быть, «классик» скажет нам что-нибудь новое.

– Вряд ли, – зевнул я.

Почему-то при упоминании о некоторых людях зевота появляется у меня сама собой. Независимо от того, хочется мне спать или нет. Возможно, это происходит оттого, что вера в просветление если и существует во мне, то только в зачаточном, полудремотном состоянии.

Вернее, в гипотетическом.

И я не знаю, кто в этом виноват: я сам или человечество.

При этом мне совсем не нужно, чтобы все люди научились нести ответственность за свои слова и поступки.

Хотя было бы совсем не плохо, если бы делать это научился я сам.

– Ну почему? Вдруг все-таки что-нибудь новое он скажет? – Лариса, кажется, была расстроена тем, что наши усилия могут пропасть всуе. И мои слова должны были ее успокоить:

– Он не скажет ничего нового потому, что с тех пор как люди узнали, что плоская Земля не покоится на трех китах, а является шаром, летящим в пустоте, ничего по-настоящему

нового сказано не было.

В этом вся проблема новизны.

– Эх, изобрели бы люди что-нибудь такое, совсем новое, чтобы – раз! И все проблемы оказались бы решенными.

– Что-нибудь такое? – переспросил я Ларису. И пожалел, что телефонная трубка не может передать мою улыбку.

Особенно ехидную:

– «Что-нибудь такое», Лариса, от всех проблем уже давно изобретено.

– И что это?

– Цианистый калий.

Разговор стал принимать довольно глупую форму, и я перевел стрелки:

– Впрочем, ладно.

Вечером соберемся на пару и послушаем.

– С кем это ты собрался «на пару» – надеюсь, будет полный зал.

– Ну, вот и соберемся на пару – мы и прогрессивное человечество.

Наш разговор закончился на этой минорной для эпохи ноте, и я понял, что мне пора вставать...

...По телевизору показывали что-то невероятное и бессмысленное одновременно – то ли экономиста академика Глазьева, наконец-то понявшего, чем рыночная экономика

отличается от плановой, то ли Дженнифер Лопес в одежде.

Так что за первой чашкой кофе я волей-неволей попробовал вспомнить, что мне известно о нашем сегодняшнем госте.

Оказалось, что, кроме сплетен, я ничего не знаю.

А сплетни – вещь нечестная. С некоторых пор мне это известно.

С тех самых, как меня стали считать настолько старым, что сплетни обо мне самом перестали кого-нибудь интересовать.

Даже в пределах моего подъезда.

Впрочем, иногда мысли приходят в мою голову без спросу и без всякого таможенного досмотра.

Я знаю, что повторять сплетни нехорошо, но ничего не могу с собой поделать. И то, что все остальное человечество тоже ничего с собой поделать не может, для меня – слабое утешение.

Хотя – есть повод задуматься: можно ли быть нравственным простым усилием воли?

Имел ли я право иметь свое мнение о человеке, который должен был прийти в наш клуб?

Дело здесь вот в чем: во всех областях человеческой деятельности профессионализм безличностен. Бесполезно от-

носиться хорошо или плохо к человеку, создавшему отличный танк, построившему замечательный мост, заключившему важный для страны договор.

Творчество – исключение.

В творчестве автор продолжает самого себя.

Чтобы проехать по мосту, не нужно знать – о чем думал его создатель.

Чтобы понять картину – это необходимо.

Искусство – это очень неличная жизнь.

Конечно, нельзя путать человека с результатами его труда, но особенные профессии все-таки есть.

– Никому не придет в голову оценивать духовные качества человека с учетом того, что этот человек фрезеровщик или комбайнер, – мы разговаривали с моим другом поэтом Иваном Головатовым, и я сказал то, что сказал:

– Но вот мои качества люди оценивают с учетом того, что я – художник. А твои – с учетом того, что ты поэт.

Наверное, такого не бывает ни с какими другими профессиями.

– Бывает, – ответил мне Иван.

– С кем?

– С учителями и врачами...

...«Наш» классик был известен тем, что в каждом новом

лидере страны наконец-то находил человека, который, в отличие от предыдущих лидеров, по-настоящему понимал его творчество. И после долгих и мучительных раздумий начал признаваться в этом на всех перекрестках, до тех пор, пока лидер оставался у власти.

Иногда отдельные злые языки называли классика конформистом. И тот, по бедности языка, отражал подобную клевету словом: «Злопыхатели».

И то сказать, какой там может быть конформизм, когда человеку, наверное, просто нравилось нравиться тем, кто сам себе нравится во власти.

Еще во время «перестройки», когда чуть не каждый начал искать свои дворянские корни, классик не только выяснил, что имеет родство с Рюриковичами, но даже придумал себе родовой герб.

Девиз додумала молва: «Плевал я на общественное мнение, если есть официальное».

И то сказать, возможно, наплевательство – это и есть первый шаг к идеальной жизни.

Думаю, классик наш был искренним.

Хотя бы потому, что во все времена находил способ получить за свои поступки – деньги.

Правда, среди мелочно-ханжеских недоброжелателей

классика нашлись такие, что раскопали интервью, данное «рюриковичем» газете «Крымская правда» в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, в котором классик рассказывал о своих генетических связях с Карлом Марксом.

Впрочем, у кого из нас нет недоброжелателей.

Может, у классика, как у многих, были проблемы с памятью. А может, у него, как у еще больших, наоборот, никаких проблем с памятью не было.

Просто память его была ликвидной и свободно конвертируемой.

Как там выходило на самом деле, никто не знал, и разобраться не пытался – классик окружил себя стеной. Не то чтобы – непроницаемой, а какой-то очень скучной.

Видимо, скучность эта происходила от того, что любил старик поморализировать, забывая, что самый простой способ жить аморально – это заставлять всех людей жить по одним и тем же самовыдуманным законам самопридуманной морали.

Да и уверенность в собственной моральности – это не больше чем склеротичность...

...По моим наблюдениям, человек безнравственный отличается от человека нравственного тем, что – совершив безнравственный поступок, первый попереживает и все. А че-

ловек нравственный в этом случае непременно подведет под свои дела какую-нибудь статью из Святых писаний.

Потому-то и есть у нас две беды: беда с безнравственностью и беда с нравственностью.

Но главная беда – мы первого от второго отличать никак не научимся...

...С другой стороны – как-то так выходило, что при каждой попытке разобраться в душе классика от него начинало пахнуть национализмом.

Как тухлятиной от скунса.

Притом что умудрялся классик осенять себя крестным знаменем к месту и не к месту.

И цитату какую-нибудь из Библии вставить.

Правда, выходило это у него пресновато.

Как-то уж больно искренне.

Для старого коммуниста.

Любил себя классик, и в этом не было ничего особенного.

Просто любовь его была какой-то самоуверенной, предполагающей, что и остальные должны относиться к нему так же, как он сам к себе относится. А я давно заметил, что когда человек ставит себя выше других, он, кроме всего прочего, становится неинтересен.

В общем, как посмотреть на человека. С одной стороны,

он – венец творения.

С другой – всего лишь среда обитания для микробов...

6

...Не помню, были ли у меня предыдущие жизни, и не знаю – будут ли последующие, но в этой жизни я тратил время попусту несметное число раз.

И если бы не Лариса, эта несметность увеличилась бы еще на один день.

Не то чтобы мне нечего было делать, но иногда состояние случается таким, что не можешь не только работать – думать способен только об одном.

И это «одно» у меня в данном случае называлось совсем не работой.

Даже неприятности, которые у меня скопились со временем, отстали, потому что я перестал о них думать. При этом мысли в моей голове бесчинствовали, и это было стриптизом замыслов – как только я это понял, выбора у меня не осталось.

Для того чтобы поводить себя страстям, я уже слишком немолод, но может, просто страсть не всегда интересуется паспортными данными.

Впрочем, разобраться мне в этом не пришлось, потому что раздался телефонный звонок – и тогда я ощутил, что такое надежда.

Мне захотелось, что бы вновь позвонила Лариса и пото-

ропила меня.

Поторопила – куда?

Вперед, конечно.

Или – начально...

...Звонила моя старинная приятельница, журналистка Анастасия.

В последнее время мы видимся с ней нечасто, а слышимся еще реже.

Дело в том, что после того как Анастасия разбила две машины: новый «Фольксваген» ее отца и подержанную «Шкоду» матери – она решила, что водить машину она умеет. И теперь приезжает к знакомым на допотопной «Мазде», выделенной ей редакцией, не тратя время на телефонные звонки:

– Петька, ты чем занят?

– У меня теперь одно занятие, Стася.

– Какое?

– Старею.

Даже по телефону я услышал Стаськину улыбку:

– Ты куда делся? Что-то я давно о тебе ничего не слышала.

– Стась, чтобы меня найти, теперь нужно производить не поиск.

– А что?

– Раскопки.

– Возраст не помеха, если человек хороший, – сказала Анастасия, а я сделал первую на сегодняшний день ошибку – не согласился с женщиной:

– Если человек хороший, возраст – единственная помеха для того, чтобы быть хорошим в полном объеме.

Анастасия отпарировала тут же – не случайно ее два раза выдвигали на какую-то премию.

И – не без ехидства. Не случайно ее два раза на эту премию «прокатили»:

– Петр, а говорят, что ты такой хороший человек, что даже критик Галкина была верна тебе целых полгода.

Для меня вопрос о Гале Галкиной уже давно отправился к праотцам.

Галя была своеобразным человеком и, живя напряженно, умудрялась заменить хождение по канату перебиранием звеньев цепи.

Я многому у нее научился и был за многое благодарен Гале. И когда очередное звено под названием Петр Габбеличев выпало из ее рук, я не забыл ее уроков и сохранил благодарность.

А на противоестественность ситуации – художник полгода целовал критика – я ни разу не обратил внимания.

Ехидство Анастасии я оценил.

И простил.

Впрочем, в этой жизни я прощал Анастасии и не такое:

– Никогда не думал, что для верности может быть серьезным поводом то, что кто-то «хороший человек», – ответил я спокойно.

Стася поняла мое безразличие к ее язвительности.

И, как женщина, изменявшая очень многим мужчинам, в том числе и мне, она ответила:

– Знаешь, Петя, я никогда не думала, что для верности могут быть какие-то другие серьезные поводы.

Возникла небольшая пауза, а потом Анастасия тихо спросила:

– Петя, ты случайно не влюбился?

– Нет, – честно ответил я. – Не случайно.

Анастасия замолчала вновь.

И мне почему-то не пришла в голову мысль о том, что если женщина задумалась без всякого повода, значит, повод точно есть.

Стася молчала совсем недолго, а потом размыслила вслух:

– Наверное, надо будет заехать к вам в клуб и написать какую-нибудь хорошую статью про президента и его вице, – не знаю, как она поняла, о ком я говорил, но вышло так, что мы с Анастасией совершили революцию в дипломатии: вдвоем

заклучили трехсторонний договор...

...Я отлично знал, что Лариса придет в клуб только после обеда – раньше ни ей, ни мне в клубе делать было совершенно нечего. Но, подойдя к автобусной остановке, я не стал дожидаться автолайна.

Когда-то давно мой друг художник Андрей Каверин рассказал мне легенду, смысл которой сводился к тому, что вначале в мире был Хаос, а потом его сменил Хронос.

Так вот, возможно, во мне что-то перепуталось, и Хронос для меня не наступил, хотя Хаос остался.

И то сказать – все-таки стрела устремляется в путь не потому, что боится опоздать куда-то, а потому, что тетива спущена.

И тетива эта называлась – Лариса.

Я хотел ее видеть.

Я хотел ее...

...Я взял такси, хотя торопиться мне было некуда.

Вернее, я взял частника.

В ожидании пассажиров он стоял возле своих красных «Жигулей» на пустой автобусной остановке и сам с собой разговаривал вслух.

И те выражения, которые он употреблял, говорили о том, что за душой у него ничего не было, а хотелось иметь все и

быстро.

Наверное, в этой жизни он был неиграющим игроком.

Я не верю тем, кто не хочет иметь много денег.

Я просто не доверяю душе тех, кто хочет их выиграть.

Но это не помешало бомбиле, после того как я назвал адрес на Остоженке, заявить:

– Триста пятьдесят, – выигрыш в его игре составлял мизерную сотню.

Я часто ездил на такси в клуб и отлично знал, что дорога стоит двести пятьдесят. Кроме того, водила допустил одну ошибку: «Триста пятьдесят», – он сказал слишком неуверенным тоном...

...Есть деньги, которые не деньги даже тогда, когда их нет.
Например, сто рублей.

Правда, есть деньги, которых не хватает на по-настоящему серьезное дело, даже когда они есть.

Например, миллион долларов...

...Впрочем, спорить мне не хотелось:

– Хорошо. Но при одном условии, – сказал я водиле.

– Каким таким условием? – «условие» явно не входило в его жизненные планы на этот день.

И, очевидно, было выше его понимания.

– Будем ехать молча, – мало того, что я не знал, зачем еду, то есть имел все основания испытывать недовольство собой. Так не хватало еще, чтобы по дороге мне пришлось бы выслушивать недовольство по поводу несовершенства мироздания.

Водила поежился от подобной перспективы, но быстро сообразил, что машину в центр я найду легко.

Хотя и побрюзжал для порядка, безотчетно пытаюсь оставить последнее слово за собой:

– Правду-то слушать никто не хочет. А у каждого своя правда-то. Каждый свою правду выбирает...

– Нет, – прервал его я, не дав высказаться до предела. – Правда одна для всех.

Каждый выбирает свою ложь.

Шофер мне не понравился, но это не имело никакого значения.

Во-первых, я вообще не испытываю огульной любви к людям.

И не верю в одну из самых распространенных в России лжей: «Я люблю всех людей», – по-моему, такое может сказать только тот, кто пытается втереться в доверие.

То есть – жулик, как бы он себя не именовал: брокер или проповедник.

Потому, если мне кто-то не нравится – это не вызывает у меня ни удивления, ни дискомфорта.

Просто я уважаю право людей говорить глупости. И люди должны уважать мое право эти глупости не слушать.

С другой стороны, я стараюсь не противопоставлять симпатию и совместную деятельность – это вторая причина того, что то, что, хотя шофер мне не понравился, я поехал с ним...

...До парка культуры мы доехали без всяких проблем, даже президент своими слугами не перегородил нам дорогу – со времен перестройки у каждого опоздавшего на работу появилась законная отговорка: чиновники со своими «мигалками» пробку устроили. И устраивают ведь на самом деле. И чиновники, и те, кто очень хочет быть на них похожими.

Да и Остоженка оказалась перегруженной желающими по ней проехать, а не постоять.

Есть в сплошном потоке машин некая магия для созерцателя: на них можно смотреть, как на текущую воду. Смотреть и думать о том, что в каждой машине едет чья-то судьба, со своими мечтами, стремлениями и проблемами, очарованиями и разочарованиями...

...Расплатившись с шофером, я вылез из машины, постоял, покурил, и не спеша пошел переулками в сторону здания, в котором на первом этаже находился клуб современного творчества «Белый конь».

Торопиться мне было некуда, и я совершил оплошность

всех тех, кому некуда торопиться – не торопился.

На то, что Лариса окажется в клубе, я не то чтобы не мог рассчитывать, просто такой расчет был бы нечестностью по отношению к ней – в конце концов, мы ни о чем не договаривались.

Мы должны были встретиться после обеда.

И я шел сам по себе, без плана и цели, с надеждой не на «сейчас», а на некое «потом».

То есть занимался тем, чем занимается вся страна...

...Ключ от дверей клуба у меня был.

Но я не успел им воспользоваться.

В этой жизни я часто упускал возможность воспользоваться тем, что предоставляли мне обстоятельства, но впервые не пожалел об этом.

Дверь мне открыла Лариса.

И получилось так, что она открыла и свою, и мою дверь.

Мы стояли, не поздоровавшись, а просто смотря в глаза друг другу. А потом Лариса прошептала:

– Почему ты так долго ехал?..

...Я не успел ничего ответить, потому что наши губы разделили один вздох на двоих...

...Мы не умножали число случайностей. Тем более что после того, как на Земле случайно зародилась жизнь, все остальные случайности уже не играли никакой роли...

...Клуб современного творчества «Белый конь» находился в помещении, которое когда-то принадлежало музыкально-балетной школе. И в наследство от этой школы клубу достался не только зал, но и несколько сопряженных с балетом помещений: кабинет директора, раздевалка и туалет с душевой комнатой.

Мелкие удобства всегда создают большие радости – нам с Ларисой они послужили уроком.

Уроком бдительности.

Но это было потом...

– ...Почему ты не сказала мне, что приедешь рано? – шептал я, целуя Ларисины глаза, волосы, шею.

А она отдавалась не тому, что делала она, а тому, что делал я:

– Глупыш, – шептала она в ответ, прерывая свое дыха-

ние, – настоящая женщина всегда знает, что не всегда знает, какой поступок она совершит...

– ...Ты – чудо!.. – тихо сказал я, когда мы уже оказались в директорском кабинете, в котором стоял небольшой диванчик, которому предстояло стать атрибутом и соучастником моего счастья. – Ты чудо!

А потом повторил:

– Ты – чудо, – и Лариса, уже глядя мне в глаза снизу вверх, улыбнулась:

– Я тебе верю.

Если я не поверю тебе, это станет для меня разочарованием.

Разочарованием не в тебе, а в себе.

– А разве то, что происходит между нами сейчас – это не чудо? – прошептал я, поднимаясь на заоблачную вершину наслаждения и не задумываясь о том, как много могут говорить люди, занимаясь самым важным в природе делом.

– Чудо? – переспросила Лариса, вслед за мной закрывая глаза.

И невозможно было понять, относился ее вопрос к существованию ее самой или к тому, что происходило между нами.

И, не задумываясь об этом, я совершенно искренне прошептал:

– Поверь мне...

...Потом мы сидели на разных краях диванчика и молча улыбались друг другу.

И лишь одна-единственная фраза, произнесенная моей поэтессой, заменила нам все остальные слова:

– Как будто в первый раз...

...Остальное наша обнаженность сказала за нас...

...Лариса поднялась с диванчика, продолжая улыбаться. Потом вышла в коридор и пошла под душ, а я сквозь приоткрытую дверь ее кабинета продолжал смотреть на нее до тех пор, пока дверь душевой не закрылась.

Коридор тянулся вдоль всего актового зала, и я мог долго любоваться своей поэтессой...

...Коридор был длинным, и это спасло нас.

Как только дверь за Ларисой закрылась, открылась входная дверь клуба, и на пороге появилась довольно тучная дама во всем темном.

Лариса открыла мне дверь клуба, а запереть ее потом – мы забыли оба. И если бы дама явилась на секунду раньше, думаю, вид обнаженного президента клуба современного творчества, разгуливающего голышом по коридору, вызвал бы у нее чувства, явно отличающиеся от тех чувств, которые ис-

пытывал я.

Боюсь, что в глазах дамы современное творчество упало бы на дно самого глубокого ущелья безнравственности и разврата...

8

...В первый момент даму я рассмотреть не сумел, но почувствовал, что в ней было что-то статусное.

И как только она вошла, в помещении нашего клуба возникло напряжение.

Но, как бы там ни было, реакция у меня отличная, и к тому моменту, когда дама в темном прошла всего половину коридора, я уже был в брюках и свитере. Полуботинки я не зашнуровал, но такая небрежность в одежде вице-президента вполне могла быть списана на богемность.

– Здравствуйте, – сказала дама, и я изобразил на лице лущезарность. Но, видимо, лицо вице-президента ее не очень интересовало, потому что она сразу определилась с предметом своего внимания:

– Мне нужна президент клуба современного творчества «Белый конь» Лариса Павловна Алова, – несмотря на мою абсолютную незначительность в глазах пришедшей дамы и полную неспособность оказаться Ларисой Павловной, выкручиваться предстояло мне:

– Лариса Павловна?.. – переспросил я, перебирая в уме варианты:

– Лариса Павловна сейчас переодевается к вечерней встрече со зрителями. Вот только передам ей ее платье, и она

выйдет к вам.

Я взял платье Ларисы на согнутую руку, подошел к дверям душевой с таким видом, словно носить одежду президентов для меня самое привычное занятие, и, постучавшись, громко сказал:

– Лариса Павловна, у нас первые гости. Переодевайтесь скорее, – после чего просунул Ларисино платье в приоткрывшуюся дверь.

И все прошло удачно – того, что под платьем я передал президенту ее трусики, дама не заметила.

Лариса вернулась в свой кабинет как ни в чем не бывало, такой же, как всегда, только еще более красивой.

Дама проследовала за ней, и мне ничего не оставалось, как протиснуться туда же.

– Здравствуйте, – сказала дама, рассаживаясь в единственном кресле. – Думаю, вы меня не знаете.

Она внимательно посмотрела на Ларису, Лариса внимательно посмотрела на меня, я – на даму; и таким образом круг замкнулся.

Отвечать на слова посетительницы приходилось мне, и, после того как дама повторила свои слова:

– Думаю, вы меня не знаете, – я выбрал единственный в таком случае правильный ответ. Я сказал:

– Возможно, это – не имеет никакого значения.

Дама набрала воздуха, посмотрела на меня, вернее, в мою сторону, пораздумывала немного и выдохнула:

– Мне сказали, что здесь находится клуб современного творчества.

– Вам сказали совершенно правильно, – Лариса улыбнулась, демонтируя снобизм дамы.

– Значит, вы пытаетесь разобраться в современном искусстве?

– Отчасти, – согласилась Лариса, – хотя все несколько проще.

– Проще? – видимо, дама все еще сомневалась в том, что ей дали верный адрес.

– Конечно – проще, – Лариса совместила улыбку с кивком.

– Чем же вы занимаетесь, если не пытаетесь разобраться в современном искусстве?

– Мы пытаемся разобраться в современном мире.

В том, что сказала Лариса, лжи не было, хотя правды набиралось всего на несколько грошей...

...Разобраться в современном мире – вообще-то, не такое уж сложное дело. Не теория относительности или хроники майя.

Но когда я говорил что-нибудь подобное, мне в ответ постоянно кто-нибудь приводил слова из Тютчева: «Умом Рос-

сию не понять...»

И я никогда не спорил.

С теми, кому ума не досталось.

А Лариса определилась в этой ситуации одним небольшим стихотворением:

...Мы научились повторять.

И повторяем раз за разом:

«Умом Россию не понять...»

– Да...

Тем, кому не роздан разум.

Меня всегда смущало то, что оправдание своей нынешней глупости мы постоянно находим в творцах, живших в прошлые эпохи.

Да что там Тютчев, писавший стихи в исторических дебрях крепостничества. В нашем клубе, прямо на моих глазах, довольно часто происходили события, которые отлично демонстрировали то, что наш мир прост как снег.

Вернее, снег – значительно сложнее...

...И к последнему из таких случаев наша первая сегодня посетительница заимела самое прямое отношение.

Для начала разговора она высказалась откровенно много-

значительно. И в этой многозначительности, как показалось мне, звучало сомнение в кчемности существования нашего клуба:

– Так-так...

Причем сказано это было тоном, который, не будь я так занят мыслями о Ларисе, должен был бы сразу насторожить меня.

– Так-так... Значит – современное искусство...

Ну и как вам нравится современный кинематограф?

– Что, простите? – переспросила нашу гостью Лариса, и я понял, что не только я сейчас думаю о ней, но и она обо мне.

– Почему, по-вашему, современные телевидение и кинематограф состоят из только из эротики?

Вопрос дамы был так себе, не открытие – из тех, что постоянно обсуждался за неимением и недоступностью других тем для обсуждения. Просто дама перебирала в серьезности, и это делало ее возмущение гротескным.

И хотя слово мне, очевидно, не предоставлялось, и предполагалось, что я промолчу, мне пришлось пожать плечами вслух:

– Наверное, потому, что жизнь каждого из нас – первая серия.

Я давно заметил, что кто-то думает, что жизнь передается через гены.

А кто-то понимает – что через постель.

– Ну, что – не можете сказать, почему у нас на экранах од-
на эротика? – повторилась дама, явно слушая только себя, и
неудовлетворенно замолчала, видимо, ощутив бессмыслен-
ность прений и с кинематографией, и с эпохой, и с нами.

Молчание рисковало затянуться, и Ларисе пришлось
включиться в дискуссию.

Моя поэтесса сделала это самым разумным способом:

– Знаете, давайте я сейчас организую чай, а потом мы все
обсудим.

Наша гостья продолжала молчать, и это не только дало
возможность выйти Ларисе, но и мне – трусливо ускользнуть
с поля интеллектуальной схватки с современным потомком
великого немого.

В клубе у нас есть небольшая комнатка, где стоит стол, на
котором мы иногда готовили легкий перекус. Там был само-
вар и чашки, для которых Лариса из дома принесла сереб-
ряные ложечки.

В этой комнатке я нагнал Ларису, поцеловал ее в шею и
прошептал:

– Я совсем не против того, чтобы наша жизнь была бы
сплошной эротикой, – и моя поэтесса улыbnулась мне в от-
вет:

– Эротика пусть будет у нас днем.

– А ночью?

– Ночью пусть у нас будет порнография...

...Когда мы с Ларисой вернулись в кабинет президента клуба, гостя, видимо, истосковавшаяся по нам, продолжила.

И хотя мне было не вполне понятно, из чего вытекала очередная фраза, в ее словах звучали утверждения без сомнений.

Лозунги – пародии на истину.

Убогие калеки правды:

– Мы должны брать пример с наших великих предков и доводить все наши лучшие замыслы до конца!

Наверное, на этой мысли в голове у нашей гостьи что-то застопорилось, и у Ларисы появилась возможность поставить чашки на стол в тишине.

А я подумал:

«Если бы жившие до нас доводили все свои лучшие замыслы до конца, нам бы сейчас нечем было заняться».

Гостью явно угнетало, а не утешало наше с Ларисой молчание:

– Вы что, не считаете, что мы в ответе за все?! – дама смотрела на меня, и мне пришлось пожать плечами. Конечно, я мог бы повторить такую банальность, как всеселенская ответственность каждого человека, хотя именно я ни за что не

отвечал.

Но проблема была не в том, что я – ни за что не отвечал, а в том, что те, кто за что-то отвечал, тоже ни за что не отвечали.

– А ведь еще совсем недавно мы были самой духовной страной в мире!

Я посмотрел на своего президента. Президент стоял, потупившись, словно проштрафившийся школьник перед завучем. Лариса была очень умной женщиной и потому легко и достоверно изображала из себя дурочку.

Мне тоже пришлось помолчать, хотя бы потому, что рассказ о нашей вчерашней духовности, по-моему, не больше чем приятнейшая для России сплетня.

Иногда молчание – единственная разумная часть конституционного права человека на выражение своего мнения.

– Тогда чем же вы здесь занимаетесь?! – гостья распалась и поочередно смотрела то на меня, то на президента.

При этом дама задавала свои вопросы как-то так, что это наводило на мысль – когда же человек откровеннее демонстрирует свою глупость: когда отвечает на вопросы или – когда их задает?

Очередь пожимать плечами дошла до Ларисы:

– Я, например, пишу стихи и песни...

– Хороших стихов написано много, а мир лучше не стал! – у нашей гостьи не только слова, но и взгляд был утверждающим; и тут уж пришлось вмешаться мне.

И защитить не стихи, а человечество:

– Стихи не изменили мир.

Но мир стал лучше, чем был до того, как хорошие стихи были написаны...

– А вы не считаете, что пришло время новой культурной революции?!

– Не считаю, – ответил я.

– Почему?!

– Потому, что во время любых революций хуже всего бывает нормальным людям.

– Да вы – какой-то консерватор, – сказала дама, и я понял, что хотя бы одну победу над ней мы с Ларисой одержали – заставили ее, хоть временно и чуть-чуть, говорить без восклицательных знаков.

– Нет, – сказал я, – я не консерватор.

– Кто же тогда консерватор, если не вы?

– Наверное, консерватор – тот, кто продолжает жать на кнопку дверного звонка на даже тогда, когда дверь ему давно открыли.

По сути, я и не спорил с этой женщиной.

Ведь, в конце концов, каждый человек имеет право на свое мнение.

Просто очень часто выходило, что мнение у некоторых людей было таким, что мне было как-то неловко за обоих: и за мнение, и за человека.

– Ну, тогда вы просто не любите родину, – дама говорила так серьезно, что была хороша уже тем, что с ней было смешно говорить о серьезных вещах. И даже слово: «родина» – у нее как-то на большую букву не вытягивало.

И потому мне, наверное, лучше всего было бы в очередной раз промолчать, но я не всегда поступаю так, как лучше.

Я сказал:

– Люблю. И, возможно, Родина меня тоже любит.

Просто наша взаимная любовь не равноценна.

– Это почему же? – даму наглядно удивляло то, что такая ясная и простая вещь, как любовь к родине, могла включать какие-нибудь нюансы.

То, что любовь к Родине, как и всякая любовь, только из нюансов и состоит, явно оказывалось выше ее понимания.

И эта дама откровенно не могла себе представить, что кто-то мог быть с ней не согласен.

Главная черта глупца – уверенность в том, что все люди такие же, как он.

А значит, согласны с ним.

Впрочем, глупый не тот, кто иногда говорит глупости, а тот, кто не понимает – когда он их говорит.

– Это почему же ваша любовь и любовь Родины к вам не равноценны? – переспросила дама. И в ее переспросе звучал вызов то ли на дуэль, то ли в учительскую.

И в ответ я сказал то, что было на самом деле, чувствуя, что был бы очень рад, если бы мог ответить иначе:

– Потому что Родина имеет возможность бросить меня на произвол судьбы, а я ее – нет.

– Почему вы так думаете?

– Почему?

Видите ли, моя страна совершила очень много ошибок.

В этом нет ничего странного или удивительного – ошибки совершали все страны. Смущает одно – каждый раз моя страна ошибалась не в мою, а в свою пользу.

– Очевидно, вы не патриот, – заключила дама.

Я не стал спорить, потому что знал, что мера глупости человека – это количество того, что ему очевидно.

И просто вздохнул:

– Я слишком люблю Россию, чтобы быть патриотом.

И потом, для патриота я очень долго учился.

Мне вообще кажется, что патриот – это не тот, кто наме-

рен любить Родину, а тот, кто способен сделать Родину лучше.

Ну, а о том, что патриотизм – это, кроме всего прочего, легитимизация войн между людьми, я и говорить не стал.

– Учились?! – переспросила дама таким тоном, словно хотела утвердить: «Воровали?!». – Я, например, привыкла гордиться нашей великой историей! Историей нашего великого народа!

А вас, похоже, история нашей страны вас ничему не научила.

– Научила, – тихо ответил я. – Научила тому, что гордиться историей может только тот, кто ее не знает.

И не прибавил:

«Если какой-то народ уверен в том, что он великий, значит, он просто не знает своей истории...»

– ...Боюсь, вы не из тех, кто готов отдать свою жизнь за Родину, – попыталась съехидничать дама, но вышло у нее это как-то по-дилетантски.

Неубедительно.

И потому я ответил честно.

Хотя и тихо:

– Если Родине нужна моя жизнь, значит, у меня плохая родина.

Я никогда не нахожу общего языка с теми, кто восхваляет родину, которой нужны человеческие жертвы.

И то сказать – называем Родину матерью. И я могу представить мать, готовую отдать свою жизнь за своего ребенка.

Но представить себе мать, желающую отдать жизнь своего ребенка за себя, мне представить трудно.

Если мать не дура, она не доведет до того, чтобы ее дети за нее умирали...

– ...А я люблю Россию! – воскликнула дама, и я незатейливо замолчал, просто подумав:

«Россия не виновата в том, что ее любят все подряд.

Россия будет виновата, если ответит на такую любовь взаимностью».

Тут дама наконец-то определилась:

– Похоже, я пришла к вам зря.

– Расскажите, зачем вы пришли к нам? – ответила ей Лариса. – И тогда мы, возможно, сможем помочь и вам и себе.

– Вряд ли, – поставила диагноз то ли своим планам, то ли нам с Ларисой, то ли современному творчеству дама. Но, несмотря на неутешительный вывод, все-таки продолжила.

И мы в конце концов узнали о том, что привело даму к нам:

– Я была секретарем обкома комсомола, и у меня большой опыт воспитания молодежи.

Теперь я хотела бы посоветоваться – может, мне написать книгу, которая могла бы служить воспитанию в наше время молодежи.

Мы с Ларисой переглянулись – кроме всего прочего, дама была еще и косноязычна. А того, что работа в райкоме комсомола, по-моему, служит неопровержимым доказательством незнания способов воспитания кого бы то ни было, я не сказал, потому что решил ответить ей максимально просто:

– Ну и напишите.

– Боюсь... Боюсь соучастия в таком ответственном деле, как мировоззрение.

Мировоззрение – это очень ответственная вещь.

Я успокоил даму:

– Не бойтесь.

Наше мировоззрение выдержало ваше руководство – ваше соучастие тем более выдержит.

– Я вас не понимаю, товарищ, – заявила дама, поднимаясь со стула, и хотя мы с президентом явно вызвали ее разочарование, Лариса еще успела помочь мне:

– Ничего страшного.

Художник имеет право быть непонятым.

– Думаю, что вы неправы, – сказала дама, уже стоя у выходной двери. И я вслед ей вздохнул:

– А разве порядочному человеку обязательно всегда быть правым?..

9

...Когда дама ушла, не попрощавшись, мы с Ларисой переглянулись, так и не поняв, зачем она приходила, но в наше неведение вмешался звонок и офиса генерального директора:

– Привет! – люди из офисов крупных бизнесменов только иногда – «белые воротнички». А в большинстве случаев – обыкновенные люди.

– Здравствуйте, – ответил я офису.

– Тут такая вещь. К нам заявила какая-то дура из какого-то дурацкого комитета то ли по любви к России, то ли по патриотизму в массах.

Мы ее к вам послали.

– Спасибо, – вздохнул я.

– Да ладно. Не обижайтесь.

Она ведь не сволочь, а просто дура, – констатировал офис, и я отконстатировался в ответ:

– Когда за дело берутся дураки, сволочи уже не нужны.

– Похоже, вы не патриот? – спросила трубка. Так уж выходило, что сомнения в моем патриотизме сегодня выстраивались в состав из многих вагонов всякого размера и различного предназначения.

Только как патриотизм – так обязательно по одним и тем

же рельсам.

– Не знаю, – ответил я, – просто, когда я разговариваю с человеком, называющим себя патриотом, мне всегда хочется спросить: ты любишь Родину или то, что на ней происходит?

– Ладно, не обижайтесь.

– Не обижаемся. Мы с вашей дамой уже познакомились.

А почему вы сами ей не занялись?

– Да у нас столько дел, что Родину любить некогда.

А она хотела пригласить нас поучаствовать в каких-то литературных акциях по патриотизму. Наверное, думает, что в этом успех.

«Избави, Боже, дурака от успеха», – подумал я в ответ телефону.

Но сказал другие слова. Слова, которые показались мне более важными, чем мысль о том, что важнее для Родины: чтобы ее любили или – чтобы на родине занимались делом?

– Мне всегда казалось, что любовь к Родине и общественные акции несовместимы, потому что акция – это явление внешнее, я любовь к Родине – внутреннее.

– В общем, послали ее?

– Да не очень.

– Ну ладно, – рассмеялась трубка. – В конце концов, возможно – она просто дура.

– Не знаю, – вздохнул я. – Возможно, есть люди, которым

до «дуры» еще расти и расти.

– Ладно, если еще кто-нибудь, кому делать нечего, явится, мы его к вам пошлем.

– Ну что же – если захотим навредить России, займемся тем, что станем учить людей ее любить...

– ...Тут вот какое дело. Год у нас выборный, – голос из офиса стал серьезным.

– Слышали... – ответил я.

– Да... – вздохнула трубка. – Из-за выборов трудным будет год.

– Ничего, – вздохнул я. – Если в стране можно отключать горячую воду на месяц, то организовывать выборы совсем уж не сложно.

– Думаем, вы поможете нашим людям.

– Разумеется. Тем, кто с вами, мы поможем.

Но чтобы наша помощь была эффективной, мы должны понимать – кто будет против нас?

– Против вас? – трубка ненадолго задумалась:

– ...Если вам повезет – никого.

Если не повезет – мировая история...

– ...А пока – попрактикуйтесь, – мне показалось, что голос из офиса нашего генерального директора поморщился и продолжил как-то грустновато:

– Надо одному человеку помочь. Он не наш, но мы в одной упряжке.

– Поможем. Если сумеем.

– Умные вы – работяги современной культуры.

– Для того чтобы заниматься современной культурой, как минимум нужно быть не глупее своего времени.

– Он приедет к вам завтра. Имейте в виду, возможно, он скоро станет очень большим чиновником.

Так что вы с ним... Сами знаете, как, – трубка телефона вздохнула, давая понять, что главное сказано. А потом, после нескольких ничего не значащих фраз, повесилась на противоположенном конце.

В ответ на это я вздохнул молча, потому что не люблю встреч с большими чиновниками – людьми, изображающими людей при каком-то особенном, государственном разуме.

Обычно выходит это у них как-то уж больно нарочито.

Да и вряд ли наши чиновники обладают каким-то великим государственным мышлением, если даже от меня они не могут скрыть, что никаким государственным мышлением они не обладают...

...Совсем недавно мне пришлось разговаривать с одним пристолечно-областным заместителем министра, и он, вместо того чтобы поговорить о погоде или футболе, завел раз-

говор о том, что нужно сделать для того, чтобы люди были счастливы.

А если учесть место, где происходил разговор, то нельзя было не признать, что рассуждать о счастье других людей удобнее всего сидя на балконе собственного особняка. Да еще и под заявление:

– Я знаю Россию! И знаю, что нужно для того, чтобы россияне были счастливы!

И, наверное, не его вина была в том, что так уж у нас все время выходит – если у человека «Мерседес», то России без «мерседесов» он не знает.

Впрочем, как и я, честно говоря, не знаю России в «Мерседесах».

Видимо, потому я, как обычный прожитель Московской области, довольно долго слушал заместителя министра, пытаясь вникнуть в сложность вопросов, поднимаемых им.

А потом сказал просто:

– Люди счастливы, когда им не мешают быть счастливыми.

Спросите об этом у любого психотерапевта, и он скажет вам то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.